

Павел Кут

Байки пепельной
бороды

...и было это очень давно

18+

Павел Кут

Байки пепельной бороды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27451121

SelfPub; 2020

Аннотация

Торговец со свитой отправляется в чужую страну. Чуждый край живет по своим законам, но щедро одаривает гостей своими легендами и опасными тайнами. Узнав одну из них, они становятся целью могущественного врага. Смогут ли теперь герои вернуться домой? Ведь этот враг желает их жизни.

Содержание

Глава 1. Приключения начинаются с утра.	4
Глава 2. Легенда что была былью.	22
Глава 3. Тот кто слышал о нем.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1. Приключение начинаются с утра.

Тьма. Непроглядная, сплошная, как кусок угля, тьма. Казалось, в этом мире больше нет ничего. Казалось, в этом мире все погибло. Но вот немного спустя мир словно начал проявляться, как будто его только что начали рисовать. Все приобретало краски и оттенки пока только серые и тусклые, но только пока. Наступило утро.

Где-то в глубине леса, четыре фигуры, что расположились у давно погасшего костра, возвращались из мира грез и мечтаний. Кто знает, что им снилось и с какими мыслями они открывали глаза, но одно было ясно наверняка, они неплохо отдохнули и были готовы продолжить путь.

Сначала, тот, кто проснулся раньше остальных, поднялся и довольно потянулся. Осматривая место ночлега и расположившихся в нем товарищей, он по привычке выработанной годами службы пересчитал присутствующих. Это был Нэд.

Нэд отличался от своих спутников не малым ростом и особенными чертами лица. Его лицо как то умудрялось содержать в себе одновременно и гордые знатные черты и харизматичность простолюдина. Хладнокровие и пылкий чувственный взгляд, властность и необыкновенную детскую наивность, все это так лаконично и сбалансировано содержа-

лось в его лице, что его внешность оставляла глубокий след в воспоминаниях знавших его людей. Его черные как сажа волосы темным нимбом обрамляли его лик, а короткая ровная борода придавала всему его существу дополнительную отчетливость.

Направляясь в сторону снаряжения, он по пути ткнул в плечо своего товарища что спал, свернувшись клубком, и принялся искать, что-то в мешках.

Его товарищ лениво потянулся, все еще в полудреме зевая и оглядываясь по сторонам. Присел в своей кроватке, и с вопросом посмотрел на Нэда. Последний услышал этот безмолвный вопрос и кратко ответил.

– Пора.

И тем самым словно подвел черту под размышлениями грузного коротышки насчет продолжения сна. Коротышка встал и медленно принялся собирать свои пожитки, попутно расталкивая и пробуждая остальных путников.

Коротышка он же с рождения нареченный Бенджамином, кратко буркнул, что-то двоим почти одинаковым напарникам, и указал в глубину леса. Чак и Рик так звали ребят. Братья родные, и потому как две капли похожие.

Светловолосые с голубыми глазами они словно были отражением друг друга, однако одно отличие у них все же было. Шрам от подбородка до уха, что украшал или безобразил лицо Чака, полученный то ли в пьяной драке, то ли при каких, то других обстоятельствах.

Чак быстро и ловко поднялся со своего ложа. Из одного из мешков со снаряжением, видимо принадлежащим лично ему, он достал короткий видавший виды топорик, и направился в глубину леса.

В это время Нэд копался с другими мешками и сумками, перекладывая их с места на место то и дело доставая все новые и новые элементы предстоящей мозаики. Теперь уже было понятно, что он достает провизию для завтрака и, судя по разнообразию продуктов, завтрак должен был быть весьма отменным.

Бенджамин присел на сваленное дерево напротив груды пепла, что еще вчера было согревающим костром. Присел и задумался, но немного погодя словно одумавшись, достал из-за пазухи джутовый мешочек. Развязал его и достал красивую испещренную непонятными, но наверняка что-то значащими, узорами трубку и принялся набивать в нее табак.

Вынося с собой из леса приличную охапку дров, возвращался Чак. Сбросив весь свой груз рядом с кучей пепла, он принялся укладывать ветки в причудливую звезду.

Ветки поднимали пепел в воздух, и легким туманом он плыл в сторону Бена, от чего тот закашлялся и расчихался, с укоризной посмотрев на Чака. С легкой улыбкой насмешки Чак продолжал начатое дело, делая вид, что ничего не заметил. После недолгого испепеления взглядом, Бен продолжил

свои дела, с трубкой, заканчивая набивать ее табаком, но в мыслях все еще бранил светловолосого дровосека.

Теперь он лишь ждал, слегка истекая слюной, особой слюной, слюной курильщика. Ждал, когда костер возгорится и даст ему, то самое недостающее пламя для его ритуала.

Чак принял два небольших камня от своего брата. Пара резких движений породила столб искр, которые упали и исчезли в груди веток. Еще раз и все повторилось. Вовремя как на помощь брат принес еще сухой травы и сухих веток, и, утонув руками вместе с ними в еще большей груди, оставил их там, в глубине, а сам отошел в сторону, освобождая дорогу возжигателю.

Камни еще раз кляцнули друг об друга, и искры градом снова осыпали конструкцию, но на этот раз небезуспешно. Вслед за ними появилась легкая струйка дыма. Еще удар и очередной водопад искр все-таки сделал свое дело. Сначала один, а потом все больше и больше язычков пламени охватывали груды веток, жадничая, и отбирая друг от друга ценные лакомства.

Грациозной рысью, хотя скорее неуклюжим медведем, Бен подкрался к огню, и аккуратно вынул тонкую веточку объятую пламенем. Даже не соизволив спросить у нее разрешения, Бен принялся подкуривать от нее трубку.

Вдох. Еще один. И трубка испустила первый клуб ядовитого, но для кого-то приятного дыма.

Коротышка был доволен, первая затяжка придала его

сознанию опьяненный оттенок. Этого ощущения он ждал очень давно. Находясь постоянно в пути, ему редко удавалось насладиться своей радостью. Поэтому каждый раз, закуривая свою трубку, он вдвойне удовлетворялся процессом. И вот сейчас с довольной улыбкой на всем его не маленьком лице, он мыслями устранился, куда-то очень далеко.

Клубок дыма дошел до Рика. Рик не разделил полезности этого занятия и, противясь всем своим телом, закашлялся, но не отошел от курильщика. Он продолжал устанавливать котел над костром. А установив начал погружать в воду, еще заранее набранную в котел, куски мяса и овощей.

Спустя некоторое время Рик подсыпал в воду приправу, определяя ее количество на глаз. Как бывалый алхимик он размешал деревянной веслообразной ложкой, вероятно суп, и снял пробу, осторожно отхлебывая из этой же ложки варево.

Немного погодя он задумался и сопоставив с мысленным шаблоном качество насыщенности его блюда добавил еще специй, но на этот раз совсем чуть-чуть. Терпеливо ожидая результата, он кружил вокруг котла и через некоторое время снова попробовал готовность завтрака. Хорошенько перемешав содержимое котелка, он сдвинул его на край перекладки, оставив томиться на удаленном расстоянии от костра.

Все четверо заинтересованные приятным ароматом блюда располагались по местам недалеко от костра, и каждый из них уже держал в руках то самое необходимое, в текущий

момент, тарелку и ложку.

Щедро, но без фанатизма Рик наполнял чаши товарищей, но волноваться было не о чем. Котелок был достаточно большой, чтобы приготовить еду на несколько здоровых мужчин. И сейчас даже наполнив все чаши, значительная доля оставалась в нем.

Наконец уважив, всех своими услугами Рик уселся на пенек и принялся наряду с другими товарищами уплетать приготовленное блюдо.

В это время, из глубины леса на запах вкусной и горячей пищи к путникам шел человек почти на голову выше Нэда.

Человек был одет в серый балахон с капюшоном, который полностью скрывал его голову и лицо. Это был старец. Старец шел не торопясь, помогая себе таким же длинным, как и он сам посохом.

Высокую фигуру в балахоне первым заметил Бен, он внимательно наблюдал за старцем в то время как тот приближался все ближе, и наконец достигнув того самого условного расстояния для приветствия старец промолвил.

– Добрый день вам путники. Не помешает ли вашей трапезе мое присутствие?

Из глубины капюшона голос звучал вдвойне загадочнее, его голос, словно гром, сотрясал воздух.

– Нет, отец, прошу, присаживайтесь и откушайте вместе с нами. – с уважением отозвался Нэд.

Старец с облегчением присел на корягу, которая находи-

лась у костра. И коряга оказалась, как будто бы к месту, как стул приходится к месту за обеденным столом.

Время оставило значительные следы, как на балахоне старца так и на нем самом. С минуту старец сидел, молча и неподвижно, словно вместе с его движением остановилась и его жизнь, но нет, не торопясь он положил свой посох недалеко от себя, а немного погодя его громогласный голос прозвучал вновь.

– Благодарю.

Немного подождав, и словно пытаясь продолжить беседу, он спросил:

– Откуда путь держите добрые путники, что привело вас в эти края?

Вопрос взбесил Бенджамина, почему вдруг он должен отчитываться первому встречному, и не найдя, что сказать уместнее небрежно бросил.

– А ты старик? Откуда же ты идешь и зачем?

Бен вопросительно смотрел на старца. Немного повернувшись, он уловил на себе обвинительный взгляд Нэда, который мысленно ругал коротышку за его грубость и дерзость. Чтобы как то сгладить возникшую неловкую ситуацию Нэд торопливо подбирал слова.

– Мы, отец, ищем в этих краях покупателей, мы отец торговцы. Наш товар, возможно, заинтересует кого-нибудь. Но, увы, не всякий купец позволит себе его купить, а вот князьям и королям он вполне приемлем.

Тут же нервно перебивая Нэда вмешался коротышка Бен, он был взбешен еще пуще тем что цель их путешествия раскрыта и более того его значимость растворена в обществе этих невеж.

– Не мы торговцы, а я! Не забывайся Нэд! Я нанял тебя не для трепанья! Ты хотя бы в отличие от этих двоих умеешь обращаться с оружием!

Сказал толстяк и тут же уловил себя на мысли, что он сам уже рассказывает слишком много подробностей.

Бен замолчал, гнев на его лице сменился на недовольство, молчать не было больше смысла, тем более что старец мог подсказать, кто здесь может стать его покупателем. Словно делая услугу старцу, Бен важно обратился к нему, пытаясь обозначить свое важное положение.

– Я, старик, – Бен говорил не торопясь, и намерено делал паузы, всем своим видом пытаясь показать величавость своей персоны, – продаю необычный товар. Может ты скажешь, насколько богаты эти земли, как богата местная знать?

Вопрос не заставил долго ждать, старец практически сразу ответил, но все также спокойно и без эмоций в голосе.

– От чего же не знать. Прославили они свои имена не доблестью в сражениях, а золотом, что не только украшает их руки, тела и вещи, что их окружают, но и что лежат в их закромах. Горестно, что алчны они и бездушны и, что правят этими землями они, а не более достойные люди.

Что-то вспыхнуло в глазах у Бена, когда старец назвал их

бездушными, как будто в этих словах он уловил всю суть, которую и хотел знать и подвел все итоги.

– Хм. Старик, ты же вероятно знаешь, где владения этих особ?

Нетерпение и волнение Бена нарастало, он уже не обращал внимания на свою игру и словно готов был оседлать старца и галопом помчаться к властителям, но тут в разговор вмешался теперь уже гневный Нэд.

– Куда торопишься ты? Иль жизнь твоя заканчивается сегодня?!

Хоть это и не понравилось коротышке, но он поостыл с расспросами, он хоть и был главным, он так считал, но не смел, спорить с Нэдом, потому что знал, когда вояка сердится лучше не перегибать палку. Однако взгляд свой также не отводил от старца. Его совсем не интересовало, почему старец не показывает свой лик, и почему весь балахон старца в саже, а борода так сильно похожа на пепел. Его волновало только одно, где живут эти бездушные покупатели и как до них добраться.

– Что же продаете вы путники? – нарушил минутную тишину старец.

– Я! Я продаю старик! Не мы, а я! Я один хозяин этого товара! – с нескрываемым раздражением, выпалил Бен.

Но старца ни сколько не смутило такое раздраженное поведение.

– И что же, ты продаешь? – еще раз спросил старец.

Такая постановка вопроса больше устраивала коротышку, его приниженное положение восстановилось, и он снова был важным.

– Это договора старик, остальное тебя не касается. – взвешивая каждое слово и не скрывая грубости, сказал Бен.

Он не боялся спугнуть возможного проводника к покупателям, деньги решали все, и правду говорить он не хотел. Правду, что эти договора есть контракты. Контракты на души.

Как то, находясь на охоте со свитой, Бен в погоне за раненой дичью наткнулся на разодранный диким зверем труп, старого некроманта или демонопоклонника.

Он так и не понял тогда, кто это был, да и не пытался, наверное. По привычке своей и по склонности к наживе он обыскал труп, и нашел в его сумке кучу разных вещей. Свертков, рукописей и незнакомых ему предметов. Но самое главное, что привлекло его внимание это контракты, контракты на души.

Коротышка не понял сразу, что это, бумага да бумага, свернутая и перевязанная льняными нитями, но развернув один их них, все стало предельно ясно. Красная запекшаяся клякса внизу свитка не могла означать ничего другого.

Колдун заключал с людьми сделки, искушая их разными прелестями жизни, он исполнял их желания, но последние, как правило, быстро умирали, а поскольку колдун действительно был одарен и умел в темных делах, контракты подпи-

санные кровью клиента выдирали после исполнения желания душу из тела у горемыки и заточали в себе. Как в дальнейшем использовать свитки, с заключенными душами, знали не многие, лишь колдуны и демоны, которым в конечном итоге все-таки они и доставались.

Овладеть такой ценностью, да еще и задаром, для Бена было просто крайне удачным подарком. Но возникали сложности. Обычный торговец не понимал всей ценности предмета, да еще и обвинил бы владельца в поклонении нечисти, гарантируя визит к счастливчику инквизиторов.

Однако избалованность вельмож и знати, погрязающих в грехе и пороке, оставляла возможность продавцам такой ценности сбыть товар.

Бен все также свысока, смотрел на старца и не отводил глаз. Но вопрос старца был неожиданным и сменил высокомерие на удивление, на лице толстяка.

– Быть может я бы взял у тебя... пару договоров.

Коротышка рассмеялся.

– Старик, зачем они тебе? Что ты с ними будешь делать?

Но потом он вспомнил, что ведь не договора на земли он продает действительно, а души, а это уже было опасно. Неужели старик учуял, что это и если это так, то он либо колдун, либо того хуже демон.

Теперь коротышка стал вести себя иначе, на побледневшее лицо словно нарисовали дрожащей рукой кривую улыбку. Бен знал, что отказать демону, это равносильно подпи-

сать себе смертный приговор, да не обычный, а с мучительной кончиной. Но торопиться с выводами он не стал.

Теперь в его глазах старец словно оскалился злобной улыбкой, так показалось Бену, но, не видя лица старца, которое хорошо скрывал капюшон, он лишь предположил, что это так.

– Назови цену дедушка. – слегка дрожащим голосом произнес Бен.

В это время Нэд наблюдал за диалогом и недоумевал, что же вдруг стало с его бесстрашным товарищем, который так дерзко, а теперь так испуганно ведет себя со старцем, однако в разговор не вступал.

Братья же вовсе не могли понять, что происходит с их наемателем, да и не хотелось им этого понимать, они лишь наслаждались завтраком и ждали расплату за свою работу, и каждый думал о своем.

Тот, что на минуту постарше со страшным шрамом, думал о кабаке, и пышных формах хозяйки таверны Лолиты. О ее манящем, пахнущем чем-то сводящим его с ума теле. Ведь шрам, что достался ему, имеет свою историю.

Именно в той самой таверне, он получил его, когда первый и последний муж Лолиты в пьяной драке за свою жену пырнул, старым охотничьим ножом прямо в горло светловолосому, голубоглазому ухажеру своей жены. Узнав, что тот неоднократно заменял его в семейном ложе.

Чак выжил, чудом, но выжил, а вот муж Лолиты, к сожа-

лению нет. Ведь, просто не суждено, ужиться несовместимому. И мир не знает еще таких случаев, чтобы человек жил, и радовался жизни, с топором в голове.

Чак был умелым дровосеком, и большинство своих попок обеспечивал именно колкой дров. После того как он выжил и рана его зажила, но оставила неприятный след и воспоминания, он еще долго хвастал, что его рука колола чурбаны и покрепче.

Младший же брат извечный романтик, хоть они и являлись копией друг друга, являлись лишь внешне, внутри они были абсолютно разные.

Рик безумно любил девушку из города, в котором жил. Она жила на соседней улице. Муси. Эту лучезарную дочь местного священника звали Муси.

Девушка выдалась и фигурой и лицом, но больше что производило впечатление в ней это ее характер, дерзкий, беспринципный к другим мужчинам и нежный и чувственный к Рику.

Вместе они словно растворяли мир своими пылкими разговорами о природе, любви, и многом-многом другом. Возможно, не было темы, которую они не затронули бы.

Они любили друг друга страстно и умопомрачительно, но их любовь была чистой искренней и становилась поводом для зависти не одной и даже не десятка девиц, что знали их. Буквально все, или многие знали об этой истории любви и почти все завидовали.

Священник, отец Муси, знал тоже. Сначала его возмущали их отношения, но узнав Рика лучше, он понял, что именно такой парень осчастливит его дочь, и наконец, благословил их.

И вот сейчас вдалеке от дома, нанявшись в этот поход, Рик рассчитывал, что на деньги, полученные за работу, он обеспечит себя и свою возлюбленную и наконец, попросит руку и сердце любимой.

Старец все также сидел на коряге и предложил.

– У меня нет денег, добрый человек. Но может быть, я рассчитываюсь с тобой историями. Мудрость, что заключена в них приносила многим добрым людям спасение. Быть может, и тебе и твоим друзьям они помогут, своей мудростью. И еще я провожу вас, куда вам угодно, где возможно вы найдете то, что хотите.

Бена бесило нелепое предложение старца, но он боялся даже виду подать, что не доволен. Не рисковал он гневить демона.

Отставив в сторону свои недовольства, он осторожно спросил.

– Почему два дедушка? Может ты хотел один, договор? Один договор за твои истории и за то, что покажешь дорогу. – не потеряв своих торговых навыков, пытался выкрутить практически даром отдаваемый контракт Бен.

Коротышка в глубине души надеялся, что он все-таки ошибается и это всего лишь совпадение и старик не демон

вовсе, а просто любопытный старикашка, который вдруг пытается нажиться на подвернувшейся возможности.

Спустя пару минут раздумий громогласный голос промолвил.

– Ох, добрый человек. Я бы с радостью согласился на один. Но мне нужно два. Два контракта. – старец поднял голову на коротышку.

Лица его не было видно, из за скрывающего его капюшона. Но Бен ощутил этот взгляд. Своей шкурой ощутил, взгляд леденящий душу и сияющий смертью.

Бена обдал холодный пот, и ноги чуть не подкосились. Они подкосились бы, если бы он в этот момент не сидел на коряге.

Все сомнения были развеяны, перед ним действительно был демон. Старец, если бы он не был демоном, не мог знать, что это контракты, да и никто кроме самого толстого коротышки Бена не мог знать, что это контракты на души. Нэду он сказал, что это земельные договора, а братьям говорить было незачем, они были носильщиками, и знать им подробности было не к чему. Нэд же играл в этом путешествии роль охранника, он бы спас Бена от разбойников, диких животных и всякого рода опасностей, однако все равно лишние подробности знать ему было не к чему. Коротышка, хоть и не любил вояку, но знал Нэда не один год и много раз, этот в прошлом элитный офицер, спасал его от гибели. Много раз толстяк Бен нанимал его в телохранители и был уже почти

уверен в нем, если бы не одно но, Бен не доверял никому.

– Х..х..хорошо дедушка. – уже совсем нервничая, заикаясь, выдавил коротышка.

– Вот и славно. Благодарю вас добрые люди. – сказал старик и словно расплылся в довольной улыбке.

Все уже позавтракали, но лишь толстяк Бен ничего не съел. Его глотку, сдавил ужас перед сидевшим рядом демоном.

Старец же отправлял в тьму капюшона куски вареного мяса и овощей, и те пропадали там словно были брошены в бездну, но по шевелящейся пепельной словно зола бороде было видно, что пища все таки не исчезала просто так, а была прожевана и проглочена, устами ли демона, как казалось Бену или же устами обычного старика как казалось остальным.

На мгновение Бену стало любопытно, что же скрывает мрак создаваемый капюшоном, каков он лик демона, но осознав, что за глупая мысль посетила его голову, он спешно отвернулся от старика и уставился в землю. Старик, тем временем закончил, есть, и повернулся в сторону коротышки.

– Ну?

Бен почти подпрыгнул от неожиданного вопроса в его сторону, и испуганно посмотрел на старца, не понимая, что тот от него хочет.

– ... договора добрый человек.

– Что? Прямо сейчас? – ошарашено, спросил Бен.

Но вспомнив свое положение мгновенно, нервничая, ки-

нулся к сумке, что лежала поодаль от него.

Бен открыл сумку, и стараясь не показывая содержимое и остальные договора, ловко по обезьяньи достал два свернутых в свитки контракта, но волнение повлияло на него. Сумка выскользнула из его рук и предательски выплонула пять оставшихся свитков.

Сердце толстяка екнуло, и было готово разорваться от шока, но на его радость его товарищи были отвлечены и никто ничего не заметил.

Бен, нервничая еще больше, что вдруг демон заметил еще контракты и потребует больше, дрожащими руками записывал свитки в сумку, и бегло оглянулся в сторону старца, посмотреть заметил ли тот свитки или нет. Но старец даже не смотрел в его сторону, старец смотрел в огонь костра и думал о чем-то своем.

Закрыв сумку и запрятав ее, как показалось Бену надежно под спальный мешок, он постарался успокоить себя, что не очень у него пока получилась. Коротышка вернулся с двумя свитками и настороженно подошел к старцу, дрожащей рукой протягивая контракты.

Дрожь его на этот раз была незамечена. Все собирали утварь и готовились отправляться в путь. Нэд собирал и увязывал провизию. Рик помогал ему. Чак же надежно прикрепив, свой любимый острый как бритва топор к наплечному мешку принялся укладывать оставшееся снаряжение.

Старец протянул руку в ответ. Костлявая словно рука

смерти с похожими на когти пальцами рука, неторопливо, но крепко и надежно ухватилась за контракты, и тут же отняв их, исчезла в бороде. Так показалось Бену, на самом деле старец убрал свитки за пазуху.

– Благодарю добрый человек. Усаживайтесь же добрые путники поудобнее. Я поведаю вам истории этих мест. Мудростью наполнены они, примите же их. А после отведу вас.

Путники, собравшие к тому времени уже все снаряжение, уселись на свои старые нагретые и уже остывшие места, и принялись слушать высокого старца в драном, старом, местах в саже и гари, балахоне. Голову его укрывал капюшон, который совершенно не позволял увидеть его лик. Лишь борода, выходящая из глубины и мрака капюшона, водопадом пепельных волос снисходила до земли. И старец начал свой рассказ.

Глава 2. Легенда что была былью.

Это было не очень давно, можно даже сказать, что недавно. Многие покажутся вымыслом, но верить или нет ваше право.

Жил на западе чертога Айраниэля доблестный и справедливый король. Король Окниль. Слава о его доблестных подвигах легендарна. Множество побед он одержал в сражениях, множество войн выиграл и многих людей освободил от тирании и рабства.

Его королевство до сих пор считается самым большим на континенте, и территории, что он завоевал, а точнее, освободил, были огромны.

Под его покровительством находились половина земель чертога. Неизвестно, как держится его королевство ныне, но тогда оно было величайшим.

Все уважающие его люди, а таких было не мало, называли его с уважением Окниль Освободитель. Окниль никогда не поработал отбитые в тяжелых сражениях земли, он просто задавал освобожденным народам единственный вопрос.

«Согласитесь ли вы принять мое покровительство над вами?»

На что чаще всего люди отвечали согласием.

Бывали, конечно, случаи когда народ отказывал Окнилю. И Окниль держал свое слово, он, молча, уходил и никогда

их, не тревожил, до момента их краха. Освобожденные народы, что отказывали королю, как правило, всегда уничтожали себя сами, свободой, с которой не знали что делать.

Утратив покровителя, не сразу конечно, но это происходило, освобожденный народ губил себя возникшей анархией. Однако были народы, которые с ненавистью, но все равно принимали его покровительство. Как тогда, когда король Окниль разбил тирана Тикса, бесправно объявившего себя правителем Шенских земель. И вместо открытого рабства на земли освобожденных пришла долгожданная свобода.

Но народ возненавидел Окниля, не потому что тот якобы захватил их земли, а потому что за десятилетия рабства они были озлобленны и не признавали никакой власти.

Они утратили разум и в их глазах все правители были тиранами. Их разум застилала лишь месть правителю, которого винили во всем, и неважно кем был последний поверженным Тиксом или доблестным Окнилем, хороший король, мертвый король.

Быстро позабыли они Тикса и возненавидели нового «тирана» с новой силой. Увы, но человеку свойственно ошибаться, как ошибся тогда, и Окниль.

Ошибся, что принял их под свое правление, и что принял их предложение, которое требовало в знак подчинения королю, принять под воспитание дитя Шенских земель.

Это было, как они утверждали традицией и неоспоримым доказательством в достоинности короля.

Поручительство над ребенком, и принятие его в королевскую семью означало лишь одно. Что в случае чего, он мог стать полноправным наследником престола.

Это не было проблемой для Окниля, ведь у него был сын, который в корне пресекал какие-то попытки передачи короны. Но не думал Окниль тогда, что не эту цель преследовали Шенские старосты, а другую, странную и непонятную. Но тогда Окниль не знал этого и согласился.

Бережно и осторожно, с опаской и ужасом несли ему на поруки дитя. Его ближайший друг и собрат по оружию Ригналь предупреждал Освободителя, что Шенские земли славятся лжецами, колдунами и поклонниками древних злых богов, и что их предложения всегда лучше сотни раз обдумывать, прежде чем принимать. Но Окниль не слушал.

Принял он дитя с рук какого-то старца, по-видимому, местного шамана, и не понял сразу, в чем причина опаски этого человека. Не понял, и тень тревоги засела в нем. Забрал он дитя и подтвердил тем самым договор о покровительстве над Шенскими землями, словно поставил свою робкую подпись на подозрительном контракте, на таком же, которые колдуны используют в своих темных ритуалах, но дело было сделано и пути назад не оставалось.

Прошло две с половиной недели, как дитя поселили в замке. Как и требовал договор, он стал полноправным членом

семьи. Сам Окниль редко бывал в замке, в последнее время он все чаще выступал в походы, со своей армией, отвоевывал земли у врагов и заключал союзы с новыми друзьями.

Придворным слугам не было особого дела до ребенка, так же как и не было любви к нему. Что-то отталкивало людей от этого мальчика, но строгий приказ, обязывал их, относиться к ребенку как подобает, относиться к нему, как к наследнику королевской крови.

У Окниля был единственный сын, Винкель. Которого он горячо любил всем сердцем, да что тут говорить парнишку любили все, это был единственный человек, к которому слуги относились искренно и с душой.

Мать Винкеля умерла при родах, и Окниль долго горевал, и печали его не было предела. Он словно умер вместе со своей женой. Как будто его душа покинула тело, и устремилась вслед за любимой женщиной, но младенческие крики его сына периодически возвращали его обратно.

Времена шли, и боль об утрате притуплялась, хоть и не проходила совсем. Семь лет прошло, с тех пор как Окниль предал огню тело своей любимой, и посвятил все свое внимание и заботу которую мог только дать сыну. Винкель рос славным ребенком, воспитанный по законам отца он перенял от него всю честь и доблесть, что содержалась в Окниле. Винкель должен был стать достойным королем, но все это должно было быть в будущем, а сейчас он просто рос и впитывал мудрость предков.

Когда дитя привезли в замок, Винкелю было семь лет. Не смотря на столь ранний возраст, он уже овладел чтением и частенько пропадал в библиотеке замка.

Младенцу же было около двух лет, как сказал шенский шаман, передавая его на руки Окниля.

Винкель был добр к нему и считал его своим братом. Слуги же не очень любили ребенка. Дитя нарекли редким именем даже для тех краев, Йеми. В честь одного славного вельможи правившего Шенскими землями. Этот вельможа славился своей справедливостью и честностью, словно в напоминание о том, откуда он, дитя и получил это имя.

Как и бывает в королевских кругах, детей наследников балуют. Хоть и не возникало острой необходимости кормить младенца грудью, но в конечном итоге было решено именно так его и кормить. Озадаченным придворным слугам пришлось подыскать ему молодую кормилицу. Вот тогда первый раз слуги и заметили странность этого ребенка. Голод, неутолимый голод. Кормящих матерей у Йеми было около десятка. Смешно, но только так ребенок мог насытиться и успокоиться.

Однажды спустя несколько месяцев с тех пор как Йеми прибыл в замок, при кормлении, одна из служанок, что кормила ребенка почувствовала укол в груди. Непонятно откуда взялся острый как игла зуб и прокусил грудь служанки.

Капли крови, смешавшись с молоком, попали в рот Йеми. И до того с жадностью сосавший грудь ребенок, озверел еще больше, он принялся еще активнее высасывать молоко, и даже покусывать деснами. Вслед за впившимся зубиком в грудь ошарашенной служанки впились еще десяток иголок. Тело ребенка, содрогалось в конвульсиях, и судорогах, с каждой секундой он свирепел все больше и больше, он уже не просто сосал, он грыз, чавкал и давился кровавыми ошметками груди служанки, которую дико кромсал своими клыками, которых уже появилось с десятка четыре.

Услышав крики, бешено визжащей кормилицы, сбежали другие, мирно до этого выполняющие свою работу по дому слуги. Все они остолбенели от увиденного, и только умоляющие крики бедняжки вновь привели их в чувства и они кинулись на помощь.

С трудом пятеро, появившихся из глубины двора мужиков, что помогали разгружать повозку с зерном, разжали скрежещущие челюсти монстра, стараясь причинить как меньше боли и так уже настрадавшейся бедняжке. Прервать жизнь монстра они тоже не могли, хоть это и было бы самым простым решением, но так как это равнялось убийству королевского лица, их бы казнили.

Уже сотни маленьких как иголки зубов щелкали и чавкали, принося серьезные раны. Откуда они взялись не понятно, но ранее их точно не было. Полуживую от шока, боли и кровопотери служанку унесли в спальни прислуги. Изуро-

дованная истрепанная грудь уже с трудом напоминала оную, она сильно кровоточила и лишала сознания других служанок случайно увидевших такую картину.

Следом за бедняжкой поспешил так называемый придворный лекарь прислуги, который кое-что знал о медицине и жил при дворе, но выполнял обычную работу не медицинского направления. В это время бледные от ужаса мужики держали монстра.

Казалось бы, что стоит удержать младенца, но удержать этого было действительно очень тяжело. С трудом они удерживали агонизирующее тело мальчика, стараясь не приближаться к разинутой пасти чудовища, которая жадно искала упущенную «кровоавую соску».

Все что попадало в пределы этой пасти, моментально превращалось в кровавую бесформенную субстанцию. Несколько несчастных уже поплатились пальцами, и даже кистями, когда пытались освободить грудь служанки. По своей неосторожности они попадались в челюсти монстра и калечились самым страшным образом. Наученные таким жестоким образом их товарищи уже не пытались повторять ошибку.

Постепенно тварь утихала. Все также сплошные ярко желтые глаза с черными точками вместо зрачков, выискивали в окружении пищу, но тельце уже не так содрогалось и постепенно прекращало безумствовать.

Частое дыхание постепенно утихло и уже через час полтора дитя приходило к обычному невинному виду, лишь запекшаяся к тому моменту кровь и мельчайшие кусочки плоти на лице ребенка, напоминали о ужасной гримасе твари, ярко желтых глазах и разинутой пасти с сотнями мелких длинных, но чудовищно крепких зубов.

Глаза вновь стали обычными, голубыми, детскими глазками, а выражение лица изменилось, и если бы кто-то вошел и увидел ребенка, и ему рассказали, каким чудовищем только что было это дитя, он бы никогда в это не поверил.

Йеми уснул, уснул так крепко что даже не почувствовал как его плотно спеленали, и туго связали веревками. Ошарашенные слуги своей небольшой толпой, все те, кто присутствовал при трагедии, ринулись к Окнилю, в его покои.

Они почти бежали рассказать королю о случившемся, но ход им перекрыла высокая женская фигура с черными кудрявыми волосами, с заостренным лицом и коричневыми глазами по осанке выдававшей особу королевской крови.

– Куда вы так ломитесь?! – с возмущением и почти криком сказала особа.

– Госпожа нам нужно видеть короля! Случилось ужасное! Йеми! Дитя, которое привез господин... это Дитя монстр! Чудовище, которое сбежало из бездны! – взволнованно и взбудоражено перекрикивали они друг друга, активно жестикулируя руками, пытаясь, таким образом, более полно передать смысл сказанного.

– Что за вздор?! Что вы несете жалкие сошедшие с ума бестолочи! – еще рассерженней выпалила особа.

– Госпожа это правда! Это дитя монстр он чуть не убил Рамину. Он изгрыз ее и загрыз бы до смерти, если бы мы не подросли вовремя! Пойдемте мы покажем! – толпа приглашала особу пойти за ними.

Недоверчиво и с огромным недовольством особа все же последовала за ними.

Свита спускалась на нижние этажи и проводила особу в комнату, где истерзанная Рамина истекала кровью. Горел-лекарь тщетно пытался ей помочь, слишком малы были его познания в медицине, и слишком обширны были раны служанки.

Женщина подошла ближе, и своими глазами убедилась в правде сказанного возбужденной толпой.

В мыслях особы промелькнула одна мысль. Ракхали. И по не понятной причине женщина улыбнулась.

Еще пару минут она смотрела на умирающую от потери крови служанку, а потом, молча, повернулась к тому, кто стоял поближе и спросила.

– Где ребенок?

– В хранилище госпожа мы связали его.

– Ведите. – даже не удивившись тому, что они связали дитя, так же сухо сказала особа.

– Госпожа, а как же Рамина, как ее спасти? Что делать?

– Оставьте ее, она уже не жилец. – без компромиссов бросила особа и покинула комнату.

В хранилище горами лежали припасы и прочая утварь по хозяйству. Несколько крепких мужиков настороженно смотрели, куда-то в угол, на стол, где лежал виновник торжества, окровавленный и связанный как самый опасный зверь.

Никому не пришло в голову стереть кровь с его лица, да и вряд ли кто-то еще рискнул бы расстаться с конечностями.

Увидев госпожу, мужики освободили ей дорогу. Особа вплотную подошла к ребенку, и сначала долго рассматривала его лицо, пытаясь увидеть что-то непонятное, известное только ей.

Она протянула руку к младенцу и коснулась его губ, в эту же секунду один из мужиков взволнованно остановил женщину.

– Госпожа осторожней! – и показал обмотанную, первой попавшейся тряпкой, кровоточащую культю, которую сжимал все туже, пытаясь этим хоть как то остановить боль и кровь.

Особа бросила на него раздраженный взгляд и проигнорировала предостережение, продолжив начатое.

Женщина не торопясь раскрыла губы ребенка и приоткрыла его рот. Десны ребенка были распухшими, с едва за-

метными ранками, игл же не было совсем, они словно испарились, и там где совсем недавно торчали сотни острых шипов, сейчас не было абсолютно ничего. Только распухшие ранки давали понять, что там все-таки, что-то было, но исчезло.

Женщина убрала руку, немного подумав, она снова протянула ладонь к ребенку, но на этот раз она подняла его веки и посмотрела в глаза. Обычная голубая радужная оболочка глаз и лишь легкий остаток желтизны в самом верху.

Стоявшие рядом мужики недоумевали, почему она это делает, что она хочет увидеть и что движет ее помыслами. Почему она не боится монстра, хотя возможно она просто не понимает чего бояться, чем ей может грозить такая воля, и поэтому так бесстрашно себя ведет.

Но она представляла, и более того, знала больше всех здесь вместе взятых, что это за существо.

– Соберите всех, кто был здесь. Мне нужно кое-что им сказать. – так же сухо и властно сказала особа, как и в первый раз, а потом развернулась и покинула хранилище.

Во внутреннем дворе замка собралась приличная толпа. Все собравшиеся стояли о чем то, размышляя и держа в руках факелы, ожидая особу. Через некоторое время к ним на встречу вышла все та же высокая особа, в сопровождении закованных в доспехи воинов.

Эта высокая черноволосая женщина являлась не родной сестрой короля Окниля.

Когда то давно, отец Окниля король Винкель Громадный, также как и сам Окниль привез с собой ребенка. Девочку, которую как он сказал, нашел в лесу.

Винкель удочерил малышку, и закрепил за ней права королевской особы, как будто это была бы его родная дочь. Можно было только догадываться, что послужило тому причиной, но так решил король.

Вскоре Винкель погиб на войне, в сражении с горными народами, в землях Осгота, пытаясь подавить восстание.

Маленькая девочка, которую Громадный назвал Синда, осталась на поруки, занявшему тогда трон вместо отца, молодому Окнилю.

Уже через пару лет Окниль разбил горный народ, и изгнал с континента, отдав почеть, таким образом, памяти своего отца. Он доказал что достоин восседать на троне и править королевством. Не обидел он и маленькую Синду, он принял ее как родную сестру, и воспитал по обычаям своего отца. Однако наследие девочки давало свое. Неизвестно кто были родители Синды, но складывалось ощущение, что ей досталась дурная кровь.

Начиная с девичества, Синда показывала свой характер с дурной стороны. Как-то раз она до смерти забила служанку, которая отказалась лизать ее ноги.

Расстроен был Окниль, что такова оказалась его назван-

ная сестра, но ничего поделать уже не мог, слишком много времени прошло, что бы что-то менять. С тех пор он изменил свое отношение к сестре. С того дня когда Синда забила служанку она стала меняться еще больше. Теперь все королевство знало Синду Жестокою такой, какая она есть сегодня. Не однократно она выказывала недовольство и порой закатывала истерики, почему она не имеет права править королевством, и почему Окниль носит корону, а не она. Окниль молчал, он всегда молчал. Не смел он, сказать ей ни слова дурного, ни упрека, таков уж он был.

Спустя годы открытая ненависть Синды к Окнилю перешла в скрытую, она замолчала, но не переставала грезить стать королевой. Окниль знал это, он все прощал ей, даже те покушения, что она устраивала на него, подкупая разных убийц. Однако не учла она того, что Окниля уважали все в его королевстве, и никто не решался поднять на него руку, а те кто решались, знали что Окниль искусный мечник.

Убийцы приходили, отдавали почтение королю, рассказывали, что затеяла его сумасшедшая сестра, желали быть осторожней и уходили. Деньги за убийство они, конечно, брали, но это было глупостью с их стороны.

Считая это открытой и неслыханной дерзостью Синда находила наемников, точнее ее нанятые головорезы, находили их. Пытали в присутствии Синды предателя и отправляли к праотцам. Так Синда заработала себе репутацию палача, что еще сильнее ухудшило отношение к ней.

Окниль не знал о пытках. Как правило, тех, кого посещала мысль пойти и рассказать славному королю, что творит его безумная сестра, отговаривал Герк. Ассасин которого Синда заставила присягнуть себе, выкупив все его долги.

Гораздо позже, когда Жестокая научилась управлять своим даром, она выдернула его душу и, очернив и смешав с тьмой, вновь запихала в тело, таким образом, сделав его вечным своим рабом.

Герк умел отговаривать весьма убедительно, не сказав при этом ни слова. Он просто перерезал жертве горло. И та не то, что сказать, что то не могла, она и вздохнуть не успевала, прежде чем, задыхаясь, падала ниц.

Нанимать убийц Синда прекратила, когда поняла, что никто не сделает этого, если только она сама. Спустя некоторое время ее шансы стать королевой и вовсе поравнялись нулю, когда Габриэла, жена Окниля, забеременела и в скором времени родила ему прекрасного сына.

Увы, дурман, которым опоили Габриэлу, не приглушал ее боль и не помог ей оправиться от родов, а напротив, прервал ее жизнь.

С тех пор Синда никогда более не пыталась убить Окниля, но и ненависть свою тоже не растеряла. Она ждала и искала возможности отомстить брату и свергнуть Освободителя с трона, но другим путем.

Как то в замок забрел бродяга колдун, и предлагал свои услуги по всяким разным делам. Цена была условная и шу-

точная, как говорил сам колдун.

– Лишь ваша капля крови на бумаге и все что вы захотите, будет вашим.

Синду заинтересовало такое предложение. Что там, какая-то капля крови, для нее это были мелочи. Народ поговаривал, что колдун, таким образом, забирает души, но даже продать душу для Синды было пустяком, лишь бы получить свое, исполнить свою заветную мечту.

Она заключила договор с бродягой. Довольно сильно порезала ладонь, данным ей ритуальным ножом, и, глядя в глаза улыбающемуся колдуну, брызнула красным ручейком на демонстративно развернутый пергамент, который колдун разложил на столе. И хоть того не требовалось, Синда с азартом размахнулась и хлопнула порезанной ладонью о пергамент, оставив вместо требующейся капли на нем, кровавый отпечаток своей ладони. Так она заключила сделку.

Условия были таковы, что колдун обучает ее темному искусству, черной магии и предоставляет ей шанс исполнить ее любое желание. Первую часть он выполнил достаточно быстро, и это была не его заслуга. Темный талант, что спал в ней, упрощал все уроки, и спустя месяц Синда могла уже достаточно многое, что не могли даже опытные колдуны. Позже завершив обучение, колдун покинул замок и, уходя, сказал.

– Будь готова, скоро твой шанс настигнет тебя. – и исчез также загадочно, как и появился.

Синда изводилась в ожиданиях, а не обманул ли ее кол-

дун, но ей ничего больше не оставалось, как ждать. Годы шли, а исполнение ее планов не наступало. В порыве гнева она прокляла того колдуна, используя свой темный талант, она призвала демона из самой бездны.

Заключив демона в ловушку она заставила его дать клятву убить того самого колдуна.

Вообще демону было все равно кому свернуть шею, ей или ее недругу, но положение, в которое его загнали, ставило для него непреодолимую преграду, и свернуть шею первой попавшейся не получалось. Ничего не оставалось демону, как исполнить условия, и отправиться на поиски колдуна, дальнейшее к счастью или, к сожалению было не известно.

Бен внимательно слушал, с того момента как старик рассказал о бездушной Синде он для себя решил, что ей то наверняка пригодится такой товар, но не смея упускать ценные подробности слушал дальше.

Высокая женщина стояла напротив толпы и громко говорила с ними.

– Слушайте меня внимательно! – с некоторым отвращением говорила Синда. – Вы никогда и никому не расскажете, что вы видели!

Сказанное повергло в шок многих, но никто не решался торопиться с вопросами.

– Если я услышу, хоть где-то о том, что произошло в зам-

ке, вас всех посетит Герк! Всех!!!

Не далеко от Жестокой стояла тень, и словно избегая света факелов, занимала такую позицию, что свет не попадал на нее вообще и невозможно было разглядеть саму фигуру. Но два зеленых огонька вместо глаз, кое о чем предупреждали и даже оправдывали нежелание разглядывать силуэт.

Чем дальше говорила Синда, тем раздражительнее и гневнее становился ее голос.

– Если хоть одна тварь проболтается! – уже не сдерживая свой гнев, кричала она. – Я лично отрежу ему язык и залью его паршивый рот кипящей смолой!

Толпа молчала. Все и так уже поняли, что лишнее слово, сказанное поперек ее слова, будет последним.

– Вы меня поняли?! Никто и никогда!!! – уже совсем срывающимся от истерики голосом кричала Синда. – Вы меня поняли?!!!

Толпа, молча, кивала и смотрела в землю, никто не решался посмотреть на нее в этот момент. Это также бы печально закончилось. Резко Синда замолчала, возбужденно дыша, она жестом подозвала троих крепких мужичков.

– Остальные ступайте прочь!

Многочисленное окружение быстро таяло на глазах, не один из присутствующих не изъявил желание остаться здесь.

Жестокая подозвала избранных ближе и приказала.

– Ты, – ткнула пальцем в одного из оставшихся, – снаря-

ди повозку, погрузи в нее куль золотых и пищу, на несколько дней, да поживее! Вы двое охраняйте ребенка, никого не впускайте, вам ясно?!

– Да госпожа. – потупившись в землю, покорно ответили мужики.

Только проводив их взглядом она обернулась к одному из своих головорезов к тому, что был одет в кожаную куртку и ватные штаны и всем своим видом выделяющийся из остальных, вероятно являющийся приближенным королевы.

– Собери отряд, мы выступаем сейчас же. Будете сопровождать меня в пути.

Еще пару минут Синда разглядывала щетинистое лицо ее приближенного, в котором узнавала и верного слугу и своего любовника. Непроизвольно, на лице ее выступила улыбка, как символ того, что она довольна им, но решив, что это слишком, она перевела взгляд на фигуру в тени. Улыбка мгновенно исчезла с ее лица и ее заменила гримаса отвращения, она спешно отвела от него взгляд и направилась в свои покои, вероятно, собираться в путь.

Ночь. Как же она прелестна, говорят влюбленные романтики. Как же она страшна, говорят одинокие путники. Отлично, что она достаточно темна, считают разбойники и воры. И только маленькие дети ничего не говорят про ночь, они спят, и что представляет ночь, их не интересует. Как не

волновала ночь тогда и Синду, когда она в окружении своей свиты мчалась в Шенские земли.

Не прошло и часа с того момента как она сидела в повозке и на себе ощущала неровности дороги и жесткие сидения. Мчалась Синда в Шенские земли, чтобы поскорее найти того самого шамана, который передал ребенка Окнилю. Жесткая не знала, где сейчас шаман и как его найти, но наверняка она знала одно, что тайна, которую хранит этот человек, будет ей полезна и поможет ей в достижении своей цели.

Шенские земли были расположены далеко от Рэйниса, еще одной столицы королевства из которой и отправилась Синда. Так уж сложилось, что родина ребенка граничила с бескрайним океаном, но это, тем не менее, не придавала ей значимости. Прибрежная граница, испещренная рифами, была мертвой, ни рыбы, ни других радостей, к сожалению, жители не получали. Старцы рассказывали, что задолго до того как здесь обосновались первые поселенцы на этом месте существовало королевство, королевство дагуров.

Дагуры были странным народом. Они почитали морское божество, и беспрекословно исполняли его волю. Но этот бог был на самом деле не тем за кого себя выдавал.

Это существо, повелевая армией дагурцев, причиняло вместе со своими братьями демонами огромные разрушения. Глупые дагурцы затуманенные песнью своего бога шли в бой не жалея себя, но их повелитель даже после смерти не отпускал своих марионеток. Он вновь и вновь призывал

дагурцев в бой, до тех пор, пока бедолаги не лишались возможности двигаться хоть как то совсем.

Морской бог был смышлен в темных делах, но даже он не мог заставить скелеты своих рабов поднимать тяжелые мечи и разрывать врагов как раньше, против законов природы он был бессилён.

Разлагающаяся плоть, покрытая не совместимыми с жизнью ранами и обвитая разными паразитами, становилась разной и опасной для обычных людей, а измененная демонической магией становилась просто смертоносной.

Королевство, снесенное вызванными из земли горами, потонуло в глубоких водах океана, но трупный яд его обитателей, на тысячелетия отравил его воды, и ныне хоть смертоносность этих вод значительно ослабла, но все равно не исчезла совсем.

Несколько дней пути разделяли Синду от тайны, и ей необходимо было торопиться, чтобы успеть подготовить задуманное к возвращению короля. Жестокая не могла позволить, королю узнать, о произошедшем. Не могла позволить узнать ему правду, какое страшное чудовище привез он с собой из Шенских земель, и она явно нервничала периодически броня кучера за медлительность повозки, грозясь вздернуть его на первом попавшемся дереве.

Глава 3. Тот кто слышал о нем.

Свет костра освещал хижину достаточно. Какой-то старик перебирал травы, явно понимая в них толк. Некоторые он откладывал в одну сторону, те, что поярче в другую, а совсем похожие на колючки, отдельно в третью.

Случайно коснулся он деревянной ложки, что лежала на столе, и та не заставляя себя долго ждать, описывая разные пируэты, полетела на пол. Старик не успел ее поймать, да, наверное, и не смог бы. В его возрасте это было излишним, он лишь соизволил проводить попрыгунью взглядом до пола, не понимая ее своеобразных пируэтов, а потом прищелкнув сказал.

– Эх, гостей значит ждать. Не люблю гостей. – и продолжил, что-то неразборчиво бормотать себе под нос.

Этот старик был опытным шаманом и травником. Знал не мало, того что другие приняли бы за глупости.

Недалеко, в двух трех шагах на скамье, лежала длинная похожая на дуду трубка. Старик периодически посматривал в ее сторону, а соскочившая ложка каким-то неведомым образом усилила к ней интерес.

Оно и понятно. Курить эту трубку позволялось не часто. Курение не доставляла обычного привычного удовольствия, курильщику, наоборот, от нее очень сильно болела голова. Однако старик уже много лет использовал ее для путеше-

ствий в скрытый мир, для связи с духами, и с годами эти неприятные последствия, просто перестали для него существовать.

Старик отложил свое занятие, занимающее его почти с самого утра, и неспешно подошел к вещице. Старая дряхлая, но крепкая рука подняла трубку. Другая рука оказалась не пустой, а с пучком зеленой, а местами черной травы.

Шаман наблюдал за хорошо знакомым ему процессом и уже предвкушал горький привкус дыма, но не прекращал напичкивать сухую траву. На минуту старик остановился, размышляя отложить свой поход или нет, но приведя себе какой-то беззвучный аргумент, продолжил.

Вообще-то сложно было назвать содержимое трубки простой травой это даже не походило на табак, но, по-видимому, она имела значение не меньшее чем сама трубка. Старик по обыкновению достал из пылающего костра лучину, и на этот раз без промедления поднес к краю, соприкаснув с тем что так усердно набивал мгновение назад.

Тонкой струйкой дым рванулся вверх, дойдя до потолка, он уперся в него, и пополз уже по нему, увеличиваясь и разрастаясь в размерах. Отверстие в крыше, что преднамеренно было сделано в середине хижины, выпускало излишки дыма к тому времени уже занявшему доброю половину площади.

Старик присел. Уставившись в пламя костра, он еще раз затянулся. Сделав еще несколько таких затяжек, он замер.

Сложно сказать, что в этот момент он ощущал, но он уже

не присутствовал здесь. Это стало ясно по его пустому отрешенному взгляду.

Ядовитый дым унес за собой душу шамана, в мир незримый, неизвестный и по своему опасный. Но не без позволения самого старца. Старец сам пожелал того, а проводник лишь исполнил свое предназначение.

Первые лучики солнца показались на горизонте, предвещая величественный восход спящего гиганта. Наступало утро.

Старик приходил в себя. Он отсутствовал около двух дней. Костер давным-давно погас, и оставил после себя только пепел и пару черных углей, которые не сгорели дотла. Шаман с трудом встал, все его тело от бездействия затекло и нехотя подчинялось ему. Это «путешествие» вымотало не слабо, его лицо выражало еще большее недовольство, чем от упавшей два дня назад ложки, предвещающей гостей.

Не было видно, по его лицу, то о чем он думает в этот момент и чем так недоволен. Лицо старика редко было многословным. Но думал он лишь об одном. Как завершится предстоящий разговор с Синдой Жестокой.

Духи поведали, что за гость спешит в его скромную обитель. Не могли они только знать завершение этой беседы, так как действия самого старца предвещали тот или иной исход. Также не знали они и причину, почему Синда решила на-

вестить старика. Хотя сам он уже строил догадки, относительно ребенка и его чудовищной природы, что возможно проявилось и стало причиной визита самой опасной и смертоносной особы, которая слыла в народе не самым дружелюбным характером, и редко кому беседа с ней приносила веселье.

Оставалось только ждать. Сегодня в течение дня, его порог переступит властная нога. Нога, которая давным-давно стала причиной смерти, одной бедной девушки. И ныне которая, также приносила беду в каждый дом, в который когда либо ступала.

Отбросив раздумья, старик принялся разжигать костер снова. В его хижине было холодно. Непростой климат Шенских земель быстро поедал тепло домов, если в них не подерживался постоянный огонь или хотя бы периодический.

Тело старика, что зябло на протяжении этих дней, жаждало тепла, иначе грозило «изрыгнуть» обратно душу, которая предательски его оставляла.

Спустя несколько минут, новый костер воспылал не хуже предыдущего. А те самые угольки, что оставались в память о прежнем, теперь растворились, и исчезли, в языках пламени нового.

Шамана мучил голод. Еще бы, то, что он был в гостях у праотцев, вовсе не давало гарантий, что за его оставленным сосудом присмотрят и приведут в порядок.

На скорую руку шаман соорудил над костром котел с во-

дой, закоптевший от неоднократных применений. Закинул туда на удивление очень быстро, и умело нашинкованные овощи и специи, которые словно всегда носил с собой.

Старика не покидала мысль, что может зря он старается, и лучше просто дождаться гостя, и в зависимости от исхода разговора, он либо примется готовить пир, отмечая то, что остался жив, либо, во всяком случае, не потратит время, зря готовя себе пищу. Но старик старательно гнал эту мысль и продолжал.

Все то, что было закинуто в котелок, не вызывало аппетита на вид. Даже на первый взгляд выглядело отвратно, но аромат, что спустя некоторое время наполнил хижину, прервал сомнения о съедобности варева.

Этот же аромат, заставил завывать опустевший живот. Сам же шаман лишь глотал слюну и молча, хоть и с нетерпением помешивал свой завтрак, или обед. В своих путешествиях старик потерял ход времени.

Мысли занимала навязчивая тревога. Его вновь посещали раздумья, станет ли этот завтрак последним, или пронесет, и выводы такие были не напрасны. Редко кто оставался жить после визита Жестокой, настолько редко что таких не было.

Солнце хозяйничало на небосводе. Даже тучки и облака словно прятались от его величия, день был в разгаре. Деревенские мужики, что работали в поле, не скрывая радости,

вовсю улыбались солнцу. Лишь дети, что играли в деревне, первенствовали над мужиками по улыбкам и смеху.

День был великолепен. В хижину сквозь окна проникали щедрые лучи солнца, некоторые настолько осмелели что, не боясь ничего, обосновались на заросшей приличной бородой щеке одного старика, который прикорнул после сытного завтрака, и который даже не заметил такой наглости. Напротив, находясь все также во сне, расплылся в улыбке от приятного тепла. Даже природа не скрывала своей радости, птицы на разрыв щебетали, перекрикивая друг друга, как будто комментируя как прекрасен сегодняшний день. Но как всегда бывает в таких ситуациях, есть одно «но», и это «но» не заставило себя долго ждать.

На горизонте появилась черная точка. Сначала одна, но позже ее уже догоняли с пару десятков других. С этого момента все стало меняться. Даже солнце как будто стало тускнеть, а на горизонте с той же стороны, откуда приближались точки, появилось облачко, это облачко словно проводник, позднее приведет за собой огромную непрерывную черную тучу, которая стремительно надвигаясь, поглотит солнце, каким бы величественным оно не было, и сотрет без остатка все улыбки, отвечающие взаимностью солнцу. Но это будет позднее, а сейчас только черная точка в окружении свиты приближалась все ближе.

Заросшее лицо, которое лишь недавно освещал богатый луч солнца, более не улыбалось. С минуту погода открылись

глаза, и лицо приняло выражение, которое принимает лицо следопыта, который услышал, что-то вдалеке.

Старик глубоко вздохнул, его гость близко. Он встал, и больше не мог спать. Вся сонливость исчезла, словно ее и не было.

Шаман присел на свою кровать, которая лишь смутно напоминала ее. В действительности кровать являлась лишь кучей пихтовых лап, покрытой какой-то мешковатой тканью, которая после длительного использования даже приняла соответствующую пролежину, повторяющую фигуру старика.

Старик о чем-то задумался. Настолько глубоко, что даже не услышал голосов на улице, суть которых была относительно его самого.

Высокий явно женский голос спросил.

– Где ваш шаман?

Отвечающий голос был тоже женским, но более хриплым и даже старым, что ощущалось в слабости голоса и его медлительности.

– Какой шаман?

Вопрос разозлил женщину, но гнев свой она по какой-то причине придерживала, хоть и в разговоре это все-таки отражалось.

– Тот, что передал ребенка королю вашему Окнилю. – почти сквозь зубы сказала женщина.

Такой поворот немного озадачил старушку. Что-то связанное с ребенком, которого передали на поруки Окнилю,

подействовало на нее странно. Она, вдруг торопясь показала на хижину старика шамана, а сама заторопилась подальше, от вопрошающей женщины.

Для нее было ясно, что все то, что связано с тем самым ребенком, хорошего ничего не принесет, и лучше поскорее отстраниться от всего этого и желательно подальше.

Свита во главе с высокой женщиной направилась по указанному пути к хижине.

Без стука Синда открыла дверь и вошла в хижину.

В момент, когда она переступала порог, внутри у хозяина жилища что-то екнуло. Вряд ли это был страх, ведь в своих путешествиях он видел и не таких чудовищ. Однако все его естество отреагировало именно так, как реагирует жертва встретив охотника. Шаман все также сидел на краю постели и смотрел на нее, на свою предреченную гостью.

Синда была на минуту ослеплена. Точнее тот переход из яркого в темное оставил некоторую слепоту. Она присматривалась, и пыталась разглядеть, то, что находится в хижине, и где же этот старик.

Минуту спустя глаза ее различили среди полутьмы фигуру. И Синда словно с облегчением вздохнула. Похоже поиски увенчались успехом. Оставались лишь детали. Исход которых она уже могла контролировать.

Старик отбросил ту печаль, с которой проснулся и настроился на разговор с гостьей.

Высокая женщина смотрела своими черными глазами на

старика с презрением, и вот тишина была нарушена.

– Тебя то я и искала. – кратко и с прежней предвзятостью сказала гостья.

Старик пытался уравновесить нарушенный баланс их положений, и пытался парировать ее наглость своим игнорирующим молчанием, и хоть как то принизить своего высокомерного гостя. Терять ему было нечего, все страшное уже исполнилось и было слишком очевидно чем это все закончится. А так он хотя бы мог сохранить остатки достоинства. Ничего не ответил старик и молча с наигранным безразличием, встал и подошел к столу с травами, повернувшись к ней спиной, как будто ее здесь и не было.

Синду взбесило такое поведение. Как правило при виде ее персоны простолюдины преклоняли колена и смиренно опускали головы, а тут к ней даже повернулись спиной. Рванулась Жестокая к старику, что бы вцепиться в него и вытрясти душу, но остановилась, услышав спокойную речь старика.

– Не гоже, без приглашения врываться в дом старого человека. Так и проклянут ненароком.

Слова заставили Синду задуматься. Вздутые скулы и стиснутые в гневе зубы, описывали ее ярость. Ей вовсе не хотелось привлекать к себе проклятия. Не смотря на ее темный талант, она не знала, насколько одарен этот старик и как быстро исполнится его пожелание. Здешние шаманы слыли искусными колдунами, и проклятия их были сильны и прак-

тически мгновенно исполнялись. Лишь это заставило ее остыть.

– Хорошо старик. Не злись, что нарушила твой покой. Моя дорога к тебе была не столь коротка, как хотелось бы. Я прибыла к тебе по делу, очень важному делу. За которое я вознагражу тебя, если ты поможешь мне разобраться.

Маленькая победа заставила улыбнуться старичка. Вознаграждение порадовало его дважды. Заинтересованный складывающимся положением он спросил якобы без интереса.

– Что же привело тебя женщина? Чего ты хочешь от старого человека?

Без всяких вступлений Синда продолжила.

– Ребенок старик. Помнишь ребенка, что вы передали Окнилю?

Старик нервно сглотнул слюну. Он был прав. Именно ребенок привел сюда эту особу, но постарался не показать своего волнения.

Однако он все же ошибся, когда предположил, что сам король явится к нему или хотя бы его ближайший друг, лорд Ригналь. Но никак ни сама Синда, визит которой он никак не ожидал.

Чтобы не накалять обстановку старик поспешно ответил.

– Помню, как же забыть.

– Скажи старик кто он? Кто этот ребенок?

Шаман замешкал. Его воспоминания о том дне, когда на свет появился этот ребенок, пугали его не меньше Синды.

– Этот ребенок сын древнего бога.

Синда словно подтвердила свои догадки, но уточнила.

– Ракхали?

Шаман не удивился ее познаниями и лишь печально подтвердил.

– Да. Дитя это сын древнего бога Ракхали.

После чего погрузился в воспоминания. Воспоминания того дня когда появился на свет этот ребенок.

Кровавая лужа на полу. И кости. Вот все что остались от матери ребенка, который только что появился на свет.

Чудовище, когда созрело, и готово было родиться, изнутри пожрало свою носительницу, оставив грубые останки. Никто не в силах был помочь страдальце, да никто и не захотел бы, наверное. Все знали эту девушку, и знали, что она очень извращенная колдунья.

В своих темных делах она доходила до крайностей. Ритуалы были безумными. Совокупления с животными, с призванными демонами и чудовищами.

Эта роковая блудница даже связалась с древним богом. Которого даже прапрадеды упоминали очень редко, да и то лишь с целью напугать детей, злоупотребляющих пищей.

Все это конечно было шуткой, считали дети, повзрослев, но ошибались. Древний бог этот, на самом деле существовал. Но он не был богом на самом деле.

Первый раз лишь по случайности вырвался в этот мир из темных глубин бездны псевдобог. Неумелые колдуны в попытках призыва могучего демона, который исполнит их желания, призвали существо.

Эта тварь пожрала их настоль быстро, что они не успели даже подумать убежать, и ужаснуться от того, что увидели.

Сначала он был в полной силе. Демон бесчинствовал на протяжении сотни лет, не боясь никого и ничего. Уничтожая селения за селениями, он оставлял за собой лишь кровавые лужи, следы своего пиршества.

Ракхали переходил грань четыре раза, и каждый свой приход увековечивал кровавой жатвой.

В те времена он был действительно силен и заставлял считать себя богом, сверхсуществом древнего мира, у которого был разум и сила.

Его физическая сила превосходила силу сотен диких зверей, и это не оставляло охотникам никаких шансов. Любой, кто желал его головы лишался своей. Но все изменилось с момента четвертого прихода

Тогда начало бурно развиваться демоноборство. Многие герои вдохновленные легендами об изгоняющем демонов, убийце богов Айраниэле, отправлялись в свои приключения в поисках демонов и их уничтожении.

Многие погибали, ведь не всякий человек мог поразить монстра, но были и те, кому это удавалось. Однако и они в конечном итоге погибали от руки более могущественных де-

монов. Если в легенде об Айраниэле, он умер своей смертью от старости, то в случае этих несчастных все было гораздо трагичнее.

Так и пришел день, когда охотники на Ракхали достаточно окрепли, чтобы бросить ему вызов. Бравые воины, которые отправили обратно уже по несколько не столь сильных демонов, принялись за охоту на Кровавого бога обжорства. Они бы погибли также как и их предшественники, если бы не случай и не природная страсть человека к всякого рода неизвестным вещам.

Один из воинов снял с пораженного врага меч. На самом деле это был не меч, как его посчитали бы, а обычный демонский перочинный ножик, но размер его был для человека как вполне пригодный для сражения меч, маленький меч.

Вид у этого орудия был своеобразен, он более походил на осколок разбитого стекла, отличаясь от настоящего лишь наличием рукояти, отлитой из вулканической лавы.

Этот самый воин в дальнейшем и был одним из тех охотников, которые бросили вызов Ракхали. Ракхали которого к тому времени уже прозвали богом обжорства.

Демоны и боги, вышедшие их бездны, имеют разную природу. Демон это существо бездны, которое родилось в его пучинах и развивалось там по законам того мира. Боги же в прошлом люди, у которых в жизни происходили такие невысказанные вещи, что они изменялись, и за счет своих талантов становились в полном смысле этого слова богами.

Вот и Ракхали, ранее был человеком. Очень давно судьба его сложилась так, что перед ним был поставлен выбор. Когда то он был воином хранителем в своей общине и был одним из первых и лучших. Искусный берсерк и сильный боец в его жизни было много сражений и много побед, которые закаляли его. Но наряду с его достоинствами у него были и недостатки, причем специфические. Его неутолимый голод, и обжорство.

Где бы на пиршествах он не появлялся, он постоянно объедался. Хозяева пирушек знали его и уважали, за заслуги, поэтому для них присутствие такого гостя было, наоборот, в радость.

Не вся пища доставляла Ракхали удовольствие. Лишь мясо по настоящему утоляло его голод, не прожаренное, полусырое, с кровью. Это блюдо он поедал с превеликим удовольствием, и мера после которой он утолял свой голод для многих была пугающей и невозможной.

За один присест он мог запросто съесть взрослого большого кабана, а порой и пару в зависимости от настроения. Странно, хотя может быть, и нет, но из-за любви к мясу, у него выросли зубы, подобающие всякому зверю, крепкие, мощные, и острые клыки.

Ракхали был талантливым воином, и множество, раз они выступали в долгие походы на другие территории, где в сражениях он показывал свою силу и мощь.

Однажды после тяжелого сражения им пришлось отсту-

пить в лес и там ретировавшись, встретиться с подкреплением и продолжить битву.

Несколько дней они ждали подмогу и провизия заканчивалась. Выход был один, охота. Добыть и пополнить заканчивающиеся припасы.

Ракхали и пара столь же крепких воинов отправились на охоту. Среди них был умелый охотник, который и повел их по следам прошедшего недавно стада кабанов. Охота бы завершилась успехом, хотя она и так завершилась успехом, но есть одно но, которое следует подчеркнуть, а именно здоровенный бурый медведь, что вышел им на встречу, и который явно не хотел уступать дорогу. Это был не простой зверь. Никто ранее не видел таких, даже опытный охотник, что вел.

Медведь кинулся на охотника. Не ясно, почему именно на него может по случайности, может по тому, что чуял за охотником множество смертей своих собратьев.

Ракхали бросился на перерез зверю. Он был крепким воином. Чтобы посостязаться в силе Ракхали специально не стал доставать оружие и отбросил его подальше. Он горел азартом, жажда испытать себя перебила здравый смысл.

Однако медведь был зверем и дружеские объятия Ракхали ему дико не понравились, тем более, что он не был каким-нибудь пестуном, а вполне взрослым крепким, сильным медведем.

Схватка забавляла Ракхали. Он вполне конкурировал со зверем по силе. И товарищи воина тоже с удовольствием на-

блюдали за борьбой. Однако свирепость зверя нарастала, и он поймал момент, когда вцепился своими зубами в шею человека.

Улыбка исчезла с лица воина, теперь ему было не до шуток. Он пытался разжать челюсти противника, но напрасно, они как замком сцепились, не отпуская добычу.

Кровь окропила усеянную листьями землю. Напрасны были попытки товарищей помочь берсерку. Медведь даже не замечал ударов. Острые мечи не могли причинить ему никакого вреда, толстая шкура сдерживала любую атаку. Будь это сам Ракхали, он бы без труда разрубил зверя, но он выбросил свой меч.

Медведь рычал еще сильнее, и рев его приличным эхом расходился по лесу. Словно услышав его зов, на помощь пришла пара братьев поменьше, но, тем не менее, тоже не маленьких.

Как бы ни хотелось помочь собрату, но воинам пришлось бежать, и вскоре они и вовсе скрылись из виду. Пришедшие животные, вроде бы кинулись за ними, но проскакав несколько метров, бросили эту затею, учуяв кровь берсерка.

Оба они разъяренные вцепились в Ракхали. Один в плечо, блокировав его левую руку. Один в ногу, окончательно обездвижив его.

Смерть промелькнула перед глазами воина, но это был не конец. Ракхали был воином из разряда берсерков, его ярость в бою увеличивала его силу, однако берсерки сознательно не

могли входить в это состояние, состояние первородной ярости, и даже битва не вызывала такого состояния, причина была в зельях, которые берсерки принимали перед сражениями. После приема воинам было проще потерять контроль над собой. Ракхали же, как оказалось, находясь на грани жизни и смерти, или в тяжелых битвах мог вступать в это состояния без приема зелий, хоть и не отказывался от них. Это было его наследие, и его наследие помогло ему на этот раз.

Звери повалили берсерка. Как цепные псы они держали его мертвой хваткой и пытались оторвать куски его плоти, которая хоть и кровоточила весьма сильно, однако не поддавалась, сильным челюстям животных.

Вожак пытался вгрызться в шею еще активнее, но когда мощный кулак сломал ему пару ребер, зверь взревел и на секунду отступил и отпустил шею.

Этой секунды хватило, чтобы тот же кулак, что сломал ему ребра, прилетел еще раз, но на этот раз в ту самую челюсть, которая минутой ранее терзала воина. Этот удар почти вырубил зверя, но он устоял. Животное оскалилось и раскрыв пасть, испытывая при этом жуткую боль, вновь бросилось на противника. Теперь его уже встретила ладонь, раскрытая ладонь всей пятерней схватила зверя за гриву, принося одновременно и удар и цепкий захват. Как щенка мощная рука теперь уже титана, отбросила в сторону медведя. Несмотря на тех двух зверей, что вцепились в него он встал с легкостью, словно их и не замечая.

Безуспешно они пытались повалить его снова, титан стоял во весь рост. Глаза его источали чистейшую первобытную ярость и гнев, оскал титана больше напоминал оскал демона, а мышцы напряглись настолько сильно, что дрожь от напряжения повисла в воздухе. Раздался рев, настолько сильный, что медведи на мгновение испугались и от неожиданности отпустили берсерка, но вновь схватили его с новой силой, когда шок прошел. Этого было достаточно, чтобы ничего не чувствующий титан опомнился и выбрал цель, которой он сейчас прервет жизнь.

Глаза, налитые кровью с безграничной яростью посмотрели на медведя, что пытался удержать его за руку. Вместо не выносимой боли титан теперь чувствовал лишь легкое покалывание, и этого ощущения ему вполне хватало, чтобы ярость его выплеснулась через край и ошпарила зверя, но в ином смысле.

Берсерк молниеносно схватил животное за челюсть, что сжимала совсем недавно его руку. Резкий рывок, сопровождающийся треском и хрустом, лишил животное нижней челюсти. Зияющая рана брызнула фонтаном крови, и сразу же раздался горловой рев, но теперь уже предсмертным.

Возможно, зверь прожил бы на пару минут больше с такой раной, но мощный удар, сломавший ему шею, прервал все мгновенно. Кровь медведя окропила воина. Лишь несколько капель попало ему в рот и этого хватило, чтобы ярость берсерка вспылала еще сильнее.

Медведь, что кусал его ногу, умер еще быстрее предыдущего. Рука берсерка, как гарпун пронзила бок животного, и показалась уже сжимающая его сердце. Два последних биения выплеснули остатки крови, после чего Ракхали разинул пасть. С яростью принялся берсерк кусать вырванное сердце, пока полностью его не поглотил.

Закончив с сердцем, титан бросился к вожаку. Вожак тоже бросился к нему. Но берсерк уже не был человеком, который ранее задорно обнимал медведя. Сейчас в животное вцепился точно такой, же зверь, как и сам медведь, но гораздо сильнее, яростней и кровожадней. Теперь уже Ракхали вцепился в горло медведя.

Туша животного обмякла после нескольких попыток вырваться. Мертвым грузом повисла она в сомкнутых челюстях берсерка. Ракхали не остановился на этом. Вкус крови возбудил в нем нечто ранее не бывалое. Все его естество горело одним, едимным желанием поглотить плоть. Поглотить полностью и без остатка.

Лишь спустя некоторое время берсерк упал на землю обессиленный, и измотанный. Сознание приходило в норму. Хоть оно отсутствовало, но отсутствовало оно только частично, разум не мог контролировать тело, однако все то, что делал разъяренный берсерк, оно запечатлеvalo. А значит и видел он сам, а главное помнил.

Придя в себя, Ракхали подобрал туши двух оставшихся медведей, и с ними поплелся к лагерю. От вожака осталась

лишь шкура. Даже его крепкие кости рассыпались мелким крошевом на зубах Ракхали и исчезли в его чреве. Берсерк проглотил его полностью, с присущим его природе аппетитом и не присущим ему ранее зверством.

Воины, что были с Ракхали, уже находились в лагере, и рассказали всем о произошедшем. Они собирали отряд, чтобы вернуться, не теряя надежды на спасение товарища. И они были очень удивлены, когда титан, окровавленный с ног до головы, в кровавых ошметках своих противников вернулся, и притащил с собой их останки.

Эту историю долго рассказывали молодые берсерки друг другу, как пример безграничной силы способности яростных воинов. Но, к сожалению, для них, они были не правы.

Не способность берсерков была так могущественна, а только наследие их собрата Ракхали. После того случая было еще много сражений и Ракхали, как и прежде выступал в авангарде армии. Также принимал зелье потери контроля, и все было как полагается для воинов того времени. Однако Ракхали очень часто вспоминал вкус медвежьей крови и теплой плоти.

Иногда человеческие трупы, что оставались после сражений, своим горелым запахом напоминали ему о той смертельной схватке и о той вкуснейшей пище. Эти воспоминания сводили его с ума.

Наследие берсерка напомнило о себе еще раз, гораздо позже через несколько лет, когда группа воинов во главе с Рак-

хали отправилась в степное селение кочующих племен с целью переговоров, а в случае если переговоры пройдут не так как планировалось, убить всех собравшихся.

К разочарованию, для всех товарищей и для самого Ракхали, они сбились с пути, и заблудились. Пришлось им некоторое время брести по степям. Припасов у них снова оказалось мало и более того странная болезнь бродила по тем местам.

О болезни знали. Когда их отправляли в дорогу, травники приготовили отдельную сумку с лекарствами. Но они совершили глупейшую ошибку. Приготовив зелье, зельевары отвлеклись, по срочному поручению старосты. А вернувшись, они вовсе забыли, что ряд бутылей на столе не лекарство от болезни, а знакомое каждому берсерку зелье ярости.

Отряд выступил в поход. Спустя несколько дней они уже приближались к месту, но песчаная буря настигла их, пришлось сделать остановку. Когда буря закончилась воины продолжили путь, однако Ракхали почувствовал себя неважно. Это незнакомое чувство, которое осталось после бури, а именно то, что мешало дышать полной грудью. Видимо пыль поднятая бурей частично попала в дыхательные пути, но этого воин не знал и воспринял как симптом болезни, хотя сам никогда в жизни не болел.

Ракхали с целью избавить себя от хвори осушил склянку, и весьма удивился, что вкус зелья оказался очень схож с зельем ярости. Своим замечанием он поделился с товарища-

ми, на что те отреагировали очень бурно, и в панике требовали от воина отпрыгнуть все обратно, но было поздно.

Зелье ярости оправдывало мастерство зельеваров, оно очень быстро действовало и тем самым идеально подходило в бою. Идеально оно сработало и сейчас.

На товарищей теперь смотрели два кроваво красных глаза наполненные яростью и жадой убивать. Спутники в ужасе бросились бежать, но это лишь только подтолкнуло берсерка преследовать их.

Все закончилось быстро. Среди степи на коленях стоял Ракхали и не мог понять, что же с ним произошло. Всего его с головы до ног покрывали кровавые кусочки, и кровь. Остатки одежды, и несколько черепов валялись в стороне.

Берсерк смотрел на свои окровавленные руки и приходил в себя. С каждой минутой сознание больше возвращалось к нему, и с каждой минутой ужас содеянного шокировал его все сильнее. Лишь он один остался из семи человек, что отправлялись с ним. Все его спутники пали от его же руки, и если бы он просто убил их, в этом было виновато зелье, но поглотив их всех, виновато было его наследие.

Через неделю Ракхали вышел на поселение союзников. Где привел себя в порядок и отправился в лагерь. Не посмел он рассказать о содеянном, и соврал, что вся его группа пала в пути от болезни, а зелье не помогло.

Он один выжил, поскольку никогда не болел. И в его ложь поверили. Поверили потому что знали, берсерк Ракхали дей-

ствительно никогда не болел. Да и не было смысла лучшему воину общины врать.

Сам же он еще очень долго вспоминал, о том, что натворил. И каждый раз воспоминания, словно вода точившая камень пробивали в нем бреши, освобождая путь неизвестному.

Времена менялись, и вот спустя несколько лет, степные кочующие племена до которых так и не дошел отряд берсерка восприняли это как неуважение их традиций и объявили войну, осадив город.

Никто не ожидал, что они вообще могут воевать, а напасть тем более. Но как бы то ни было, город был в осаде.

Несколько дней напрасно берсерки пытались отбить нападение. Но с той стратегией, которой пользовались осажденные воины, все было бесполезно.

Как только отряд берсерков в ярости выступал из окруженного города, чтобы отбить нападение, его тут же истребляли тяжеловооруженные воины врага. Ярость берсерков, гасилась толстой броней противника, и узким коридором у ворот, сводя к нулю все попытки атаковать. Отряд за отрядом ряды берсерков таяли и уменьшались. Лучники, что пытались со стен города хоть как то помочь своим товарищам сами пораженные стрелами падали вниз, насмерть разбиваясь об острые камни основания города.

Они были не столь умелыми в стрельбе как кочевники, которые с меткостью присущей хорошему охотнику разили горемык то в шею то в голову и реже в грудь. Но если грудь еще хоть как, то спасала броня, то открытая шея и голова насквозь пронзались стрелами, унося их жизни.

Город был не преступен, хоть его обитатели и были бесполезны в таких сражениях, чаще они нападали сами, и условия ведения боя в крепости были им просто не известны.

Больше месяца стены города сдерживали наступление. Все опытные воины пали, в сражении пытаясь оттеснить врага, и переломать исход. Но их враги оказались слишком хитры, чтобы позволить себе ошибку.

Слишком долго собирали свою армию нападающие. Слишком долго учились они на своих ошибках. Слишком долго они восставали из пепла и грязи, с которой их смешали. Многие годы они странствовали и собирали ресурсы, золото и все то, что могло помочь им составить конкуренцию другим более могучим армиям в сражении. Долгие годы они выстраивали свой план, и как оказалось не зря.

Осажденный город на самом деле мог бы простоять еще очень долго, если бы старейшины умело распорядились его возможностями.

Увы, знания отцов и предков были забыты, и стратегия ушла на второй план, когда предшественники избрали путь берсерков.

Отцы учили своих сыновей сражению в любых ситуациях,

но опьяненные победой берсерки, которые в то время были более пригодны для сражений, так как в те времена было удобнее именно сражение на открытой местности, кричали о своей славе и силе, которой они разили десятки врагов, одним ударом.

Восхищенные мальчишки все меньше слушали своих опытных отцов стратегов, и все больше уподоблялись своим кумирам берсеркам, но все изменилось. Слава яростных воинов предоставила возможность их противникам по-другому взглянуть на ситуацию. Умные и расчетливые степные военачальники увидели то самое уязвимое место своих врагов, гордыню.

Все больше поколений молодых воинов, они воспитывали, именно акцентируя их внимание на грамотной расстановке сил, и приоритетов в сражении. И молодые внимали голосам своих отцов.

Те, кто были талантливей, вели войска и руководили сражением. Не один, не двое, а несколько десятков и сотен таких воинов, с детства чувствующие плечо собрата, и с детства понимающие друг друга без слов, как самих себя. Эти воины так расставляли имеющуюся военную силу, что даже противник, который значительно превосходил их в количестве, и в силе, был удивлен, как быстро его разбили.

И тем не менее, с каждой победой отцы покровители не позволяли расслабляться своим воспитанникам и более того подстегивали их стать еще лучше. Они выращивали в сво-

их сыновьях постоянство, и искореняли бахвальство и ветреность, губящее их будущее.

Берсерки прослыли очень свирепыми воинами, манера их сражения не поддавалась логике. Ярость, которая овладевала воинами, была столь не предсказуема, что даже грамотно обдуманная стратегия была бесполезна. Но это относилось только к сражениям на открытой местности. В случае, где берсеркам было негде развернуться, они теряли свои преимущества.

Ракхали рвался в бой. Старейшины уже знали, чем закончится его решительность, несмотря на его опытность и силу он, однако не мог противостоять всей армии один. Старейшины не позволяли вступить ему в сражение, считая его последней надеждой для своих потомков. Они приказали ему охранять женщин и детей, что были спрятаны в глубине города в подземелье, и он не мог послушаться их.

Несмотря на некоторую свободу в воспитании молодых воинов, они все же никогда не меняли отношения к послушанию. Младший всегда должен слушать старшего, пусть даже старший неправ. Возможно, это было глупо, но лишь так они добивались хоть какой-то дисциплины среди разбалованных, заносчивых берсерков.

Несколько дней, один из последних берсерков по иронии судьбы, был так далек от сражения. Злость кипела в нем. Почему он воин должен отсиживаться в подземелье. Однако он снова сталкивался с мыслью, что не может нарушить приказ,

и этот факт еще больше злил его. А также голод, который сводил его с ума.

Ракхали не ел уже пару дней, и очень давно не ел, так как привык, плотно и сытно. Легкий перекус, что для других показался бы сытным обедом на несколько дней, лишь отвлекал его не на долго.

Ярость берсерка переполняла его. Вся злость была замечной того зелья, которые пьют берсерки. Ракхали был на грани. Сознание уже едва сдерживало его от вспышки, и лишь то, что его окружали дети, не позволяло разуму покидать тело.

Осада близилась к завершению. Все воины осажденного города были перебиты. Лишь старейшины оставались в нем, пытаясь, что-то предпринять. Но было уже поздно, врата города рухнули под мощными ударами тарана.

Тяжеловооруженные воины гиганты мощными ударами разили пытающихся преградить им путь противников. Кровь широкими ручьями стремилась в низины, просачиваясь и проникая в глубины и распространяясь по всему городу.

Ракхали сидел не подвижно. Он всеми силами пытался сдерживать себя, и понимал, что рано или поздно враг прорвется в подземелье, и тогда ему придется сражаться здесь, где рядом находились женщины и дети, которых он должен защищать, пусть даже ценой своей жизни, и которых он мог поранить, потеряв контроль над собой.

Эта мысль пугала его больше остального. Все эти раз-

думья целиком и полностью занимали его разум, не позволяя отвлекаться на звуки из вне. В то время как там, снаружи, сражение переносилось в сердце города. Прорвавшиеся степные захватчики добивали последних, кто оказывал сопротивление.

Умело уклонившись от тяжелой шипастой палицы, смельчак нанес искусный контрудар, мечом в область шеи, где должно было находиться слабое место врага. Во всяком случае, его так учили, но это, увы, было напрасно. Меч, встретив сопротивление кованой стали, не выдержал такой нагрузки и сломался. И в этот момент словно поняв, что все кончено воин сдался.

Нет, он не упал на колени, и не стал просить пощады, он просто опустил руки, и этого было достаточно, что бы закованный в латы титан нанес ему последний для него удар. Удар ногой в грудь, от которого ребра воина треснули и осколками впились в легкие, а некоторые вонзились в другие органы, которые и так уже полопались, заполняя кровью все внутренности. Еще один осколок вонзился в сердце храбреца, он же и прервал мучения, освободив от этого мира, от ударов великана, от жизни.

Титану показалось этого мало. И он, желая поставить, таким образом, точку, и компенсировать тот пропущенный удар, который прервал бы его жизнь, если бы не вмонтиро-

ванная сантиметровая стальная пластина, наступил на голову поверженного врага.

Немного сопротивляясь, череп, еще сдерживал натиск, но все-таки лопнул и брызгами разбросал все свое содержимое, часть которого окропила латы врага. Другая часть слилась с кровавым ручейком, который уже вполне можно было назвать рекой. Эта самая речушка, впитывалась землей, а там где земля была покрыта камнем, речушка быстро обходила его и расползлась дальше.

Пара капель алой жидкости упали на прислушивающееся поднятое лицо. Глаза слушателя расширились, и тело нервно содрогнулось, словно эти капли были кипятком и обожгли его.

Глаза начали наливаться кровью. Не той, что падала с потолка, а той, что густым туманом ярости застилала разум Ракхали.

Крики детей и женщин, что пронзающим воем оглушали его слух, они ведь тоже увидели этот кровавый дождь, слились в один безумный вопль. Но Ракхали уже не слышал их.

Эти две капли, что упали на его лицо, вытеснили последние остатки разума. Его сплошные, красные белки, с яростью повернулись к женщинам. От ужасных красных глаз одна их них завопила еще сильнее, и бросилась к выходу.

Ее визг прервался почти сразу, как прервались и все

остальные. Однако если ее визг прервался из-за того, что ее лишили жизни. Крики других приостановились от шока увиденного.

Берсерк, что был хранителем их жизней, более не был таковым. В могучей руке его, раздавленная как арбуз голова женщины ручьями изливала кровь. Тьма поглотила берсерка. Вдруг в его кровавых глазах начали появляться желтые точки. А разинутая пасть с клыками судорожно тряслась и источала слюну.

Крики раздались снова, и в этот раз они прозвучали настолько сильно, что пробившись сквозь толщю потолка подземелья, достигли слуха старейшин, которые поверженные на колени врагом, молча, принимали участь.

В город вошли победители. Молодой воин в окружении пятерых гигантов, похожих скорее на железных носорогов, нежели на людей, не спеша шел к повергнутым старейшинам берсерков. На расстоянии шага он остановился от них, и его глаза полные ума изучая, разглядывали старого воеводу.

Несколько минут он рассматривал своих поверженных противников, а потом жестом, что-то показал своим подчиненным, которые были, не так велики, как гиганты, и одеты в легкую кожаную броню с луками наперевес. Воины в легкой броне подняли с колен бородатых старцев, и повели прочь, от своего предводителя. Он же не торопясь продолжил даль-

ше идти по городу.

Предводитель так беззаботно шел по захваченным улицам, что все это больше походило на прогулку, нежели на победный марш. Воин вдруг остановился. Странный запах достиг его обоняния. Этот запах почему то заставил его задуматься.

Воин осматривался вокруг. Пытаясь найти источник зловредной вони, который становился все отчетливее, он все ближе подходил к каменному сооружению, по всей видимости, являющейся ратушей города. В сопровождении свиты воин вошел внутрь.

Внутри было достаточно светло, несмотря на архитектуру сооружения. Предводитель жестом указал на груды скамей, и столов, под которыми едва были различимы ворота, уводящие, куда-то вниз.

Запах становился все сильнее. Воин в сопровождении двух даргетов, так называли этих закованных в латы титанов, спустился вниз. Вонь, что разносилась по всему подземелью, смешавшись с запахом горящих факелов, вызывала тошноту.

Кровавые кусочки покрывали все подземелье. На потолке, на стенах, все было покрыто слоем кровавого месива, и кусочками плоти. Ничего не говорило о том, что здесь совсем недавно были тысячи человек, женщин и детей.

Глаза воина расширились, лишь он предположил, что здесь произошло. Кровавая жижа, которая покрывала все в подземелье, была совсем недавно женщинами и детьми. Это

предводитель понял по остаткам одежды, что с трудом различалась среди этого месива.

Воин прошел дальше вглубь подземелья, свет факелов тускло, но обрисовывал окружение. Пройдя еще порядка тридцати метров он остановился. Жестом указывая своим подчиненным последовать его примеру и приготовиться.

Даргеты приняли боевую стойку. У них тоже возникал вопрос, что же за взрыв или зверь мог сотворить такое, но пока что ответов не было ни у кого.

Командир же, уже разглядел в тусклом свете не менее величавую фигуру незнакомца, который точно не относился к его воинству. Более того, по кровавому оттенку всего его тела он больше походил на демона, точь в точь как его изображают в древних книгах.

На тихие расчетливые шаги, существо обернулось. Хладнокровный предводитель неожиданно вздрогнул. Наверное, впервые в своей жизни, он ощутил испуг. Перед ним стоял человек. Человек, который когда-то был лучшим воином, и который, защищая своих братьев и сестер, жертвовал своей жизнью ради них.

Тусклый свет мешал хорошо разглядеть фигуру. С каждым моментом удивление и интерес все отчетливее отображался на лице вожака кочевников. А видел он странную картину.

Желтые глаза с черными точками, пустым взглядом смотрели на него. Слегка разинутая пасть с кривыми, вместо зу-

бов, шипами, слегка шевелились, перемалывая остатки пищи.

Чудовище посмотрело на свою руку, с таким одновременно задумчивым и глупым видом, что вызывало сожаление больше чем отвращение. Существо изучало свою конечность, словно та, была загадкой всего мира, и оно дерзнуло ее разгадать.

Не выдержав напряжения, и разом решив прервать все это, один из даргетов бросился к монстру, желая прикончить его на месте, и хоть немного успокоить расшатанные нервы.

Но на шаги гиганта монстр отреагировал по-своему. Его пустые желтые глаза уставились на приближающуюся фигуру, которая уверенно приближалась к нему, и уже замахивалась нанести удар.

Чудовище опустило руку, и отдалось созерцанию приближающегося к нему бронированного великана.

Мечтатели и мудрецы не смотрели так на объекты своих созерцаний, как смотрело на даргета сейчас это чудовище. Как истинный ценитель движущихся даргетов, монстр подмечал каждую деталь движения этого объекта. Как он приближается к нему. Как грациозно и величаво замахивается огромной палицей с шипами. Как наносит удар, от которого тело даргета содрогается само, и груды металла, покрывающая великана, подается за ним. Как шипы пронзают тело какой-то фигуры отдаленно напоминающей человека, на половину впиваются в него и застревают. А несколько шипов

которые прошли вскользь, вспарывают кожу берсерка оставляя зияющие раны, но раны на удивление не кровоточат, а более того сами по себе начинают сходитья и срастаться. Как фигура последнего от удара улетает во тьму неосвещенного факелами угла.

Гигант был доволен собой, его палица не подвела его и сейчас. Он сразил монстра одним ударом. И хоть палица и выскользнула из его рук, но она не омрачила его победу. Довольный он обернулся к своему командиру, ожидая, что тот оценит поступок.

Однако похвалы он так и не дождался. Из тьмы молниеносно показалась рука. Мощная ладонь твари стрелой метнулась к шлему. Она размозжила бы череп своего противника, но встретив сопротивление толстого металла, отскочила, нанося урон себе и приличный оглушающий удар даргету.

На секунду даргет лишился сознания. Вторая рука также быстро метнулась к противнику, зацепившись за шипастый выступ его брони. Она словно вытащила из тьмы своего хозяина, притянув к тому, за что зацепилась.

Желтые с черными крапинами глаза светились чистой яростью, а пасть монстра словно обросла новыми зубами.

Эта же самая пасть рванулась к голове жертвы, несколько раз безуспешно пытаясь прокусить толстую броню шлема, но каждый раз сыпя градом своих обломанных клыков.

Взамен обломанных, как по приказу появлялся ряд новых, но немного отличающихся от предыдущих. С каждым разом

они ломались все реже, и реже до момента, когда очередные не пронзили все-таки толстую броню шлема.

Мертвой хваткой челюсти впились в металл, не причиняя вреда гиганту, однако обдавая его изрядной волной холодно-го ужаса и утробной вони монстра.

Даргет был уверен в своей безопасности. Крепкая броня защищала его, хоть монстр и прокусил ее, но до него он пока не добрался. Однако все решилось мгновенно.

Другая свободная рука твари, проскользнула в щель между броней и шлемом, и захватив последний изнутри, со всей силой рванула на себя.

Прозвучал хруст. Безжизненное тело даргета обмякло и повисло на руках монстра. Но остервеневший берсерк рвался дальше, пытаясь добраться до тела. Несколько мощных рывков с трудом, но все-таки оторвали шлем вместе с головой от несчастного.

Кровавый фонтан устремился в потолок, а пасть бросилась жадно лакать и прихлебывать из питательного источника, как заблудший путник нашедший родник.

Вожак, кратким жестом, приказал оставшемуся даргету бежать, и сам, находясь в некотором шоке от увиденного направился к выходу.

Первые несколько шагов спиной, а потом, убедившись, что монстр пока, что ими не заинтересован, повернулся и что есть сил, побежал к выходу из подземелья. Криком подгоняя солдата, который хоть казалось на свой громадный рост бу-

дет неуклюж, однако не уступал своему командиру.

В это время тварь пыталась выгрызть лакомство из брони, но та не поддавалась. Краем глаза он увидел удаляющиеся фигуры, которые скрылись в проходе на поверхность, и бросив добычу, чудовище молнией кинулось им в след.

Командир и его подчиненный как ошпаренные выскочили в холл ратуши, где их ожидали еще три даргета. Криком на непонятном языке, предводитель приказал всем как можно быстрее покинуть стены здания. Озадаченные, но обязанные исполнить приказ воины последовали за командиром.

Старший действительно оправдывал свой статус командира. Потеряв своего опытного воина, он понял, что противник его не так прост, и следует сменить поле боя, дабы не проиграть битву совсем, а уверенность в решении подкрепляла неизвестная сила в лице твари.

Великаны были в недоумении, от чего они бегут, и зачем им опытным закаленными боями воякам, в тяжелой не пробиваемой броне, куда-то убегать, да и от кого. Тот гигант, что видел погибель своего собрата, понимал, от кого они бегут и своим примером задавал темп.

Командующий восхищенный или испуганный мощью существа понял, что даже несколько его воинов не справятся с ним, слишком колоссальна сила этого противника. Только серьезное превосходство могло гарантировать победу.

Выбегая из ратуши, предводитель кричал и отдавал команды, своим людям, которые те беспрекословно выполня-

ли. На его крики бегом к нему сбежались полсотни даргетов. Кто-то нес цепи, кто то, вооружившись молотами, усердно вколачивал в землю металлические штыри, к которым крепились эти же цепи.

Приказ был ясен. Даргеты окружали ратушу и мощными цепями отрезали пути отхода невиданному им пока противнику. К зданию со всего города сходились все больше великанов. Около пяти сотен их было рассеяно по всему городу и около сотни, что услышали своего командира, стремились к нему. Плотным кольцом, чтобы никто не проскользнул, они оцепили выход из ратуши, и монстр не заставил себя долго ждать.

Остервеневший, зверь выскочил наружу. Дневной свет осветил его ужасный лик. Железные носороги, да и все остальные, едва показалась тварь, чуть не ахнули от увиденного.

Монстр, что под стать им ростом, но без брони и весь в кровавых пятнах, с едкими желтыми глазами, в которых плавали словно разбросанные черные бусины, или словно капли дегтя в ярко желтом масле. С разинутой пастью и сотнями иглоподобных зубов, но не уступающих теперь по крепости самому крепкому металлу.

Монстр смотрел на них с яростью и жадой, жадой крови. Чудовище не побоялось толпы, напротив, словно подстегнутый таким обилием пищи, он рванулся к первой ближайшей жертве. Вцепившись в него, он повалил бедолагу на

землю.

Плотная цепочка воинов в латах рассыпалась, их одолела паника, и они побежали от угрозы, спасая свои жизни самым простым и проверенным веками способом, бегством.

Откуда непонятно брались силы у чудовища, если изначально он не мог даже оцарапать толстую броню гигантов, теперь же отрывал от нее куски, обнажая для себя содержимое.

Ужасные руки берсерка украшали или безобразили острые когти, с помощью их он так уверенно вскрывал доспехи великанов, что казалось, как будто не тяжелые латы покрывают бойцов, а тканевые балахоны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.